

Он снова прикоснулся губами к этим сладким, словно алые лепестки, устам, уже без промедления сбросив всю мешающую одежду. Юноша, сгорая от стыда, сжался в его объятиях, весь покраснев, плотно сомкнув веки и что-то тихо бормоча.

Он наклонился ближе, чтобы расслышать, и уловил слова:

— Нет, я жена князя Чэна, ты не можешь так со мной поступить.

В глазах Сян Тяньци мелькнула тень боли.

— Почему нет? Ведь князь Чэн тебя не хочет. Почему бы не отдаться мне? Я буду лелеять тебя, оберегать всю жизнь, не позволю никому причинить тебе вреда. Хорошо?

Юноша в его объятиях продолжал тихо бормотать:

— Нет.

Сян Тяньци крепче обнял его, в глазах читалась нежность. Он мягко произнёс:

— Я знаю, я знаю, что мой статус низок и я недостойн тебя. Но однажды я поднимусь на вершину власти, заставлю весь мир склониться передо мной, и ты получишь несметные богатства и почести. Подожди меня, это не займёт много времени.

С нежностью, но с непоколебимой решимостью он вошёл в юношу.

На его руку упала прозрачная слеза. Сян Тяньци словно обжёгся, в одно мгновение очнувшись от своего упоения.

Он терпеливо успокаивал того, кого держал в объятиях, мягко целуя его виски, лоб, долго задерживаясь на алой слезинке у уголка глаза.

Хотя его движения были предельно нежны, он не прекращал своего натиска.

Это, вероятно, был самый мягкий раз из всех, что Шэнь Мянью пережил. Впервые он не получил травм, лишь лёгкое покраснение.

Сян Тяньци удовлетворился лишь один раз, хотя ему было трудно сдержаться, он не стал настаивать на большем.

Он приготовил горячую воду, бережно перенёс Шэнь Мянью в ванну и начал осторожно мыть его, словно тот был его драгоценностью, боясь причинить малейший вред.

Шэнь Мянью, прислонившись к его плечу, сохранял ледяное спокойствие на лице, но в глазах читалось удовлетворение.

Ему было приятно, как Сян Тяньци ухаживал за ним, но, взглянув на порванную одежду, он почувствовал лёгкую тревогу.

К счастью, Сян Тяньци знал меру: хотя нижняя одежда была порвана, верхняя осталась нетронутой.

После купания Сян Тяньци перенёс его на кровать, вытер тело, и Шэнь Мянью выхватил из его рук порванную одежду, молча надев её.

Картина, которую Сян Тяньци подарил ему, упала на пол, но он не стал поднимать её, резко встав, но тут же застыл от боли в пояснице.

Сян Тяньци всё это время наблюдал за ним и, увидев это, тут же подошёл поддержать.

Он произнёс:

— Хуай'эр, ты ведь не совсем ко мне равнодушен, правда?

Лицо Шэнь Мян्या было холодным, как лёд, он не ответил. Сян Тяньци сжал кулаки, и его глубокие чёрные глаза вновь наполнились резкостью.

Он обнял Шэнь Мян्या, и в его словах звучала необычная для него решимость.

Он тихо сказал:

— Сегодня я заставил тебя, ты, наверное, ненавидишь меня до глубины души, но я не жалею. Хуай'эр, я мечтал об этом тысячи раз, и каждый раз это было сильнее, чем сегодня. Я прижимал тебя к себе, заставляя сказать, что ты мой.

Сян Тяньци всегда вёл себя как благородный человек, и внезапное проявление его истинной природы ошеломило Шэнь Мян्या.

Его спина слегка дрогнула.

— Довольно, не нужно больше говорить. Между нами всё кончено.

Но Сян Тяньци не собирался позволить этому «кончиться».

Он удерживал Шэнь Мян्या в своих объятиях, медленно сжимая руки, и его голос звучал строго и властно:

— Ты заблуждаешься. Я не отпущу тебя, пока не умру.

Он поцеловал Шэнь Мян्या в шею, и его голос внезапно стал мягким.

— Хуай'эр, если ты действительно ненавидишь меня, просто скажи князю Чэн, что я оскорбил тебя, что у меня были дурные намерения. Он непременно исполнит твоё желание и казнит меня тысячей ударов.

Говоря это, он словно говорил о ком-то другом, даже улыбнулся.

— Ты ведь не хочешь, чтобы я умер, правда?

Шэнь Мяннь слегка приоткрыл губы и через мгновение тихо произнёс:

— Подлец.

Сян Тяньци рассмеялся, прижавшись к виску юноши.

— Да, я подлец. И всё это потому, что ты слишком добр, Хуай'эр, поэтому у меня есть возможность быть подлым.

Шэнь Мяннь закрыл глаза и тихо сказал:

— Ты когда-то спас Чжоу'эра, теперь я тебе отплатил. С этого дня все наши долги и обиды между нами погашены. Я не убью тебя, но как раньше уже не будет.

Как раньше...

Сян Тяньци усмехнулся. Какое «как раньше»? Когда он был его другом и доверенным лицом, слушал его откровения, но никогда не мог приблизиться к его сердцу.

Он кивнул.

— Именно так я и хочу.

Он взял Шэнь Мян за подбородок, заставляя его поднять глаза.

— Хуай'эр, ты сам сказал, что я подлец, так что я пойду до конца. Скоро я покину поместье и оставлю тебя одного. Я не могу быть спокоен.

Шэнь Мян нахмурился. В этот момент взгляд Сян Тяньци был для него непонятен.

Но Сян Тяньци медленно произнёс:

— Не позволяй князю Чэн прикасаться к тебе. Он, может, и слеп, но однажды его глаза откроются, а ты слишком прекрасен...

Шэнь Мян холодно посмотрел на него.

— Кто ты такой, чтобы указывать мне?

Сян Тяньци был очарован его видом в этот момент — холодным, гордым, словно снег на вершине горы Тяньшань, чистым и неприступным.

Такого человека каждый хотел бы сделать своим.

Сян Тяньци мягко сказал:

— Это не приказ, а просьба. Ты, конечно, можешь отказаться... Но если кто-то другой осквернит тебя, я не знаю, что сделаю.

Он говорил серьёзно.

Шэнь Мян внезапно понял, что вся осторожность, которую Сян Тяньци проявлял в последнее время, была лишь маской.

Его робость, вызванная любовью, в этот момент исчезла.

Его истинная натура была такой же, как и несколько месяцев назад, когда они впервые встретились в поместье маркиза — высокомерной, самоуверенной, словно весь мир был для него ничтожен.

Возможно, единственное отличие заключалось в том, что он врезал в своё сердце имя «Шэнь Хуай» и ради этого человека был готов унижаться, используя самые подлые методы, которые раньше презирал.

Мужчина с трепетом поцеловал уголок губ Шэнь Мян, поднял с пола картину, стряхнул пыль

и положил её ему в ладонь.

Сян Тяньци тихо сказал:

— Я повторю: если она тебе не нравится, просто выбрось её.

Шэнь Мянью помедлил, поднял глаза и произнёс:

— Ты действительно сумасшедший.

Но он взял картину и вышел из комнаты.

Он был измотан, поэтому шёл медленно и неуверенно, но его спина была прямой, а белый наряд подчёркивал его холодное благородство, словно он не был тем, кто только что подвергся унижению в комнате слуги.

Сян Тяньци произнёс два слова так тихо, что их едва можно было расслышать:

— Жди меня.

Вернувшись во Двор Тысячи Осеней, он застал луну, уже поднявшуюся над деревьями.

Шэнь Мянью давно не был с кем-то близок, и на этот раз он наконец получил то, что хотел, хотя и не в полной мере.

Но он был удовлетворён, ведь действовал вопреки обстоятельствам, и нельзя было слишком увлекаться.

Вернувшись, он заперся в своей комнате, слегка замаскировав следы на теле с помощью пудры, чтобы Юнь Чэн не заметил ничего подозрительного.

Однако вскоре он понял, что это было лишним, так как Юнь Чэн несколько дней не появлялся во Дворе Тысячи Осеней, даже когда ходил на поклон в Двор Шоуань, он намеренно избегал Шэнь Мянью.

Шэнь Мянью не спешил, каждый день продолжая вести размеренную жизнь, совершенствуя своё мастерство и оставаясь примерной женой князя Чэн.

Он ждал, чтобы увидеть, какую игру затеял Юнь Чэн.

Прошло ещё пару недель, и по столице поползли слухи, что князь Чэн часто посещает увеселительные заведения, увлечшись первой танцовщицей Шанцзина, Лю Сюй, и даже пригласил её в поместье для ночных увеселений.

Услышав эти слухи, старая вдовствующая наложница не выдержала и пригласила Шэнь Мянью на чай, чтобы утешить и успокоить его.

Обычно добродушная старая наложница на этот раз была в ярости, хлопая по столу и восклицая:

— Нелепость! Сплошная чушь!

Она взяла Шэнь Мянью за руку и сказала:

— Эти слухи, распространяющиеся снаружи, становятся всё более абсурдными. Не слушай их. Чэн'эр с его характером, ему уже за двадцать, а у него даже нет наложницы. Он занят военными делами, у него нет времени на такие глупости, как танцовщицы. Это всего лишь игра.

Шэнь Мянью кивнул, с трудом ответив:

— Вы правы, матушка. Но князь всё же должен взять наложницу, в поместье нужен наследник.

Старая наложница была тронута его пониманием, но возразила:

— Что за разговоры? Наследник, конечно, важен, но ты вышла замуж меньше полугода назад, всегда была почтительной и добродетельной. О наложницах можно будет подумать через пару лет. Это уважение, которое Чэн'эр должен тебе оказать.

Шэнь Мянью опустил глаза, скрывая насмешку в них, и тихо сказал:

— Спасибо за ваше понимание, матушка.

<http://bllate.org/book/15553/1414763>